

ПРАСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Развитие лингвистической географии сегодня достигло столь большого размаха, что во многом изменился гносеологический облик лингвистики XXI в. Пространственный дискурс в сочетании со структурным и функциональным сформировал своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Благодаря лингвистической географии, мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени».

Следует отметить, что изучение словарного состава праславянского языка, а также ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы — проблемы славянского этногенеза, долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Реконструкция и описание языковой системы праславянского языка строились в основном на базе исторической фонетики славянских языков, тогда как лексика привлекалась лишь эпизодически как иллюстрация различных фонетических процессов. Более того, во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX — начала XX в. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого.

Поэтому праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: «достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» [Толстой 1997: 111].

Объясняется это, по-видимому, тем, что славистика прошлого не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно

во многих сравнительных грамматиках славянских языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов приводились одни и те же лексемы, такие, например, как *бук, береза, сосна, лиса, ворон, гусь, лосось* и др.).

Отсутствие должного внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом и с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое слово, согласно этой точке зрения, живет в диалекте «своей жизнью» и «распространяется в своих собственных границах» (Н. С. Трубецкой), порождая пестроту и дробность диалектного ландшафта. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. Отсюда делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности. Поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка.

В этих суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н. С. Трубецкого и других ученых, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже — в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками. Однако, не вдаваясь в вопрос о том, насколько продуктивна языковая модель, не насыщенная лексически, следует признать, что все эти аргументы, строго говоря, не выдерживают критики. Открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции.

Сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций — динамики и консерватизма определяется общим механизмом эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа», продемонстрировавшие хорошую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» (а это восемь томов лексико-словообразовательной серии, в частности: т. 1 «Животный мир» (Москва, 1988), т. 2 «Животноводство» (Warszawa, 2000), т. 3 «Растительный мир» (Минск, 2000), т. 4 «Сельское хозяйство» (Братислава, 2012), т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), т. 9 «Человек» (Kraków, 2009), т. 10 «Народные обычаи» (СПб., 2015) и семь томов фонетико-грамматической серии: т. 1 «Рефлексы *ё» (Београд, 1988), т. 2а «Рефлексы *е» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексы *р» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006), т. 4б «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), т. 5 «Рефлексы *о» (Москва, 2008), т. 6 «Рефлексы *е (Москва, 2011), ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало его картам особую ценность, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня. Атлас позволил не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря ОЛА появилась возможность «паспортизировать» праславянскую лексику и проследить ее судьбу в пространстве terra Slavia.

О чем же говорят карты атласа?

Прежде всего, они говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах.

Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют так называемые системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*¹, *kon-j-b*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-b*, *toj-b*, *toj-a*, *sol-b*, *šnop-ъ*, *rog-ъ*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ъ*, *sedm-b*, *šest-b*, *tret-ъj-b*, *vesel-ъj-e*, *ber-e-tъ*, *devet-b*, *(j)ezer-o//ozero*, *(j)elen-ъ//*

¹ Примеры приводятся в обобщающей морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

olen-ь, per-o, sestr-a и др. в томе «Рефлексы *е» и др.). Подобные ареалы можно соотнести с законом открытого слога, которые пережили все славянские языки в начале своей истории.

Другие слова оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем *ot-ьс-ь, ov-ьс-a, *ovьs-ь, *gost-ь, *krьt-ь, mьk-a, sq-sьd-ь, pros-i-ть* и др.). Этот тип ареала соотносится с теми фонетическими процессами, которые проходили в славянских диалектах позднее и дали разные результаты.

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление (в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии Атласа только лишь в томе «Растительный мир» встретила такая карта — к. 39 ‘малина’ с лексемой *mal-in-a* (**malina* < и.-е. **mel-* [ЭССЯ 17: 160])), тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

О разрушительных процессах, протекающих в пространстве terra Slavia, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *dьb-ь* на к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир», которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvorst-ь, gor-un-ь, cer-ь*; или ареал лексемы *mьk-a* на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *borš-ьn-o, mel-j-a, mel-iv-o, mьl-iv-o*. О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dьb-ov-in-a* (хрв. *du'bovina*, серб. *'dubovina*, мак. *dubo'vina*), серб., мак. *dьb-ov-o derv-o* (мак., серб. *'dubovo 'drvo*) к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dьb-ov-a šum-a* (мак. *dьbova šuma*), серб. *dьb-ov-a gor-a* (*du'bova 'gora*) к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»; или блг., мак. *мучник*, болг. *мьчник* ‘ларь, в который сыпается мука на водяной мельнице’).

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем *vьls-y* к. 25 ‘волосы человека’ т. 9 «Человек» (**vьlsъ* < и.-е. **wel-k'* - [Фасмер I: 343; Шапошников 1: 137; **цел(э) Borys: 704*]), *brьv-i* к. 11 ‘брови’ т. 9 «Человек» (< **bry* < и.-е. **bhrū-s*

[ЭССЯ 3: 64]), *žel-qd-ъk-ъ* к. 52 'желудок' т. 9 «Человек» (**želqđьkъ* < и.-е. **ghelond-*, *gholond-* [Фасмер II: 44; Шапошников I:267; **g^hel-ond-o* Bogúš: 755]), *lyž-ъk-a* к. 52 'ложка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (**lyžьka* < **lyga* < и.-е. **leu-*, *lu* [ЭССЯ 17: 63]), которые отсутствуют в южнославянских языках.

Материалы Атласа позволяют ответить на вопрос, где происходит чаще всего разрушение ареала?

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, так и на периферии.

Примером разрушения ареала праславянских лексем в центре современной Славии могут служить ареалы лексем *ov-ъc-a* и *žen-a* в украинских и белорусских диалектах. Ареалы этих слов являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются возникшими на их основе лексемами *žen-ъk-a* и *ov-ъc-ъk-a*.

Что касается периферии, то материалы Атласа говорят о том, что такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексемы *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в восточной и западной Славии и ограниченный — в южной, где ее вытесняют лексемы *už-in-a*, *rqč-ъk-ъ*, *pol-u-dьn-e*; или лексемы *sq-sěd-ъ* (**sq̄sědъ* < и.-е. **sānsát*(d) [Фасмер III: 726; ЕСУМ 5: 482]) к. 2 'сосед, человек, живущий в соседнем доме' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских, но имеет ограниченный ареал в сербских диалектах (шумадийско-воеводинских, восточногерцеговинских, зетско-сенинских и косовско-ресавских) и точечный в северо-восточных болгарских (п. 128), поскольку здесь получила широкое распространение лексема турецкого происхождения (*komš*)-*i-j-a*; сходный ареал имеют лексемы *myš-ъ* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *žed-j-a* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи»; *vъ-kqs-ьn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи»; *ot-ъc-ъ* к. 7 т. 5 «Рефлексы *o») и др.

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on-ъ* (**onъ* < и.-е. **eno-*/**ono-*/**no-* [Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69]); *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis* /**egnis* [Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414]); *ovъs-ъ* (**ovъsъ* < и.-е. **awiĝ-* [Фасмер III: 113; ЕСУМ 4: 150]); *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-* [Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419]); *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-*,

dēm-, *d̥m̥- [Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72]); *dьн-о* (**dьno* < **dьbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-* [Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174]); *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uer-, g^uor-* [Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29]); *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-* [Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362]); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh-, *ongh-, *ŋgh-* [Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161]); *kost-ь* (**kostь* < и.-е. **ost-* [ЭССЯ 11: 167]), *gost-ь* (**gostь* < и.-е. **ghost(i)s* [ЭССЯ 7: 67]), *pot-ь* (**potь* < и.-е. **proktos* [Фасмер III: 342; ЕСУМ 4: 417]), *voj-ьн-a* (**vojьna* < и.-е. **uceia-, *ucei-* [Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431]), *topor-ь* (**toporь* < и.-е. **ter-/*top-* [Фасмер IV: 79; Шапошников 2: 422]) т. 5 «Рефлексы *о»; или карты *led-ь* (**ledь* < и.-е. **ledu-* [ЭССЯ 14: 91]), *nes-l-ь* (**nesь* < и.-е. **nesti* < и.-е. **enek-, *nek, nk-* [Фасмер III: 67; ЭССЯ 25: 19]); *pepel-ь/ropel-ь* (**pepelь//*ropelь* < и.-е. **pel-/pol-* [Фасмер III: 234; Шапошников 2: 117]) т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Другой такой периферией *terra Slavia*, где часто наблюдается разрушение ареалов праславянских лексем, являются русские диалекты, в которых лексемы, имеющие праславянское происхождение, локализируются часто или в латеральном ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами — ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; тогда как в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); сходный ареал имеет и лексема *oc-i* (**oko, *oci* < и.-е. **ok-, *ok^u* [Фасмер III: 128; Шапошников 2: 65]) к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию южной и западной Славии, а также украинских и белорусских диалектов, тогда как в русских она отмечена в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах); или в небольшом островном ареале — ср. распространение лексемы (*j*)*agn-ε* к. 29 Nsg ‘(j)agne’ т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнополесских говорах и микроареал — в южнорусских (пп. 841, 846); сходный ареал имеет и лексема *list-ьj-e* (**listьje* < *listь* [ЭССЯ 15:148]) к. 8 ‘листва’ (coll) т. 3 «Растительный мир», обширный ареал которой отмечен в южно- и западнославянских, а также в украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских ее ареал является разорванным, так как более широкое распространение получила лексема *list-ьv-a*.

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Исследование показало, что ареалы архаизмов часто локализируются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизм. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления (подробнее см. [Вендина 2013: 479]).

Карты Атласа позволяют проследить, **как происходит разрушение ареала праславянских лексем**, имевших ранее общеславянское распространение.

Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Обладая огромной жизненной силой, слова праславянского происхождения способны к порождению своих производных. И в этих новых лексемах продолжается жизнь праславянского слова (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ъcъ-ъk-a*, *žen-ъk-a*, *||ež-ъk-ъ*, *||ež-ak-ъ*, *||ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a* и др.).

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. *meit(h)-, *mēit- [ЭССЯ 18: 206]) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала этой лексемы, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e*.

Сходный ареал имеет и лексема *pъrst-en-j-ъ* к. 40 'кольцо с камнем, перстень' т. 10 «Народные обычаи», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских, особенно в чешских и польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *pъrst-en-ъk-ъ*.

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *neb-o* к. 21 'нёбо' т. 9 «Человек»; *sołd-ъk-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vъxъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *konj-ъk-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *do-by-t-ъk-ъ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» и др., характерных для восточно- и южнославянских диалектов).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Так формируются ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

Карты Атласа дают возможность проследить, **как происходит образование новых ареалов слов.**

Формирование славянских ареалов происходит под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов — разрушительного и созидательного. Разрушительный процесс приводит к распаду славянского языкового континуума, к усложнению его пространственной структуры, т.е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имеет интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохраняются, что ведет к образованию новых ареалов.

В общей картине ареальных связей славянских диалектов отчетливо просматриваются по крайней мере два хронологических среза — древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами, основанными на общности предшествующей эпохи, но протекавшими в разных частях Славии самостоятельно и приведшими к их последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков.

Именно с этим связана высокая степень расчлененности диалектного ландшафта Славии. Среди множества ареалов, представленных на картах Атласа, отчетливо просматривается несколько групп:

первую группу образуют слова, которые имеют глубокие корни и восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые, несмотря на свои разорванные ареалы, известны в трех славянских языковых группах);

вторая группа ареалов детерминируется факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие часто к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

существование третьей группы ареалов определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;

наконец, четвертая группа ареалов связана с формированием этно-политического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Поэтому «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» [Куркина 1985: 64].

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на мозаичность лингвистического ландшафта Славии на картах Атласа довольно часто просматривается разделение ее по линии **север** ~ **юг**, ср.: север // *ašč-er-* (// *ašč-er-ъ*, // *ašč-er-ic-a*, // *ašč-er-ъk-a*) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ъ*, *gušč-er-ic-a*, *gušč-er-ъk-a*) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»; север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; север *kot-* (*kot-ъ*, *kot-j-ur-ъ*) ~ юг *mač-* (*mač-ъk-ъ*, *mač-or-ъ*, *mač-or-ъk-ъ*) к. 10 'самец кошки' т. 2 «Животноводство»; север *tel-ęt-ъk-o*, *tel-en-ъč-ъk-ъ* ~ юг *tel-ęt-ъc-e* к. 39 *dem* 'Nsg telę' т. 2 «Животноводство»; север *ten-ъ* ~ юг *xold-ъ* к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; север *les-ъ* ~ юг *sum-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; север *baran-in-a* ~ юг *ov-ъč-ęt-in-a*, *ov-ъč-ъj-E* (subst) (блг.) к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; север *slov-o* ~ юг *besěd-a* (слн.), *dum-a* (блг., мак.), *рěч-ъ* (хрв., серб.), *съ-bor-ъ* (мак.) к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; север *čěl-u-j-e-tъ* ~ юг *ljub-i-tъ* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; север *съ-čęst-ъj-e* ~ юг *съ-řet-j-a*, *съ-rět-j-a* к. 7 т. 10 «Народные обычаи»; север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; север деминутивные суффиксы с консонантным элементом -к- (*-ik-ъ*, *-ъk-ъ*, *-ъk-ъ*, *-ъk-o*, *-ъk-a*, *-ič-ъk-a*, *-ъč-ъk-a*, *-ič-ъn-ъk-a*, *-ъč-in-ъk-a* и др.) ~ юг деминутивные суффиксы с консонантным элементом -с- (*-ic-a*, *-ъc-ъ*, *-ъn-ъc-e*, *-ъc-e*, *-ъš-ъc-e*, *-ič-ic-a*, *-ъč-ъc-e*, *-en-ъc-e*, *-ъč-en-ъc-e*, *-ъč-ic-e* и др.) и -č- (*-ič-ъ*, *-ъč-е*, *-ič-e* и др.) к. 66 'деминутивные суффиксы' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается.

И эта ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. [Бернштейн 1961: 68]).

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славия южной (см. также ареалы слов *uš-ъk-o* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *ррč-ъk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *ноž-ъk-a* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *gor-ъk-a* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о»; *pal-ъc-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *ноž-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *porž-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди праславянских лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный

ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы праславянских лексем, имеющих и.-е. соответствия: **ovъsъ* < и.-е. **awig-* [Фасмер III: 113; ЕСУМ 4: 150]); *nes-l-ъ* (**neslъ* < и.-е. **nesti* < и.-е. **neĕk-*, **neĕk*, *ŋk-* [Фасмер III: 67; ЭССЯ 25: 19]); *vojъn-a* (**vojъna* < и.-е. **uceia-*, **ucei-* [Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431]); *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uer-*, *g^uor-* [Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29]); *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-*, *dēm-*, **dŋ-* [Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72]); *dъn-o* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-* [Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174]); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh*, **ongh-*, **ŋgh-* [Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161]); *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis*/**egnis* [Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414]); *on-ъ* (**onъ* < и.-е. **eno-*/**ono-*/**no-* [Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69]); *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-* [Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419]); *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-* [Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362]); *bob-ъ* (**bobъ* < и.-е. **bhābhā* [Фасмер I: 180; ЭССЯ 2: 148]); (*j*)*ež-ъ/ož-ъ* (**(j)ežъ//ožъ* < и.-е. **eg'hjo*, **eĝh-jo* [Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37]); *medj-a* (**medja* < и.-е. **medhio-*, **medhja* ([Фасмер II: 592; ЭССЯ 18: 46]) и др.

Об этом свидетельствуют и факты праславянской фонетики (ср., например, судьбу сочетаний **ort*, **olt* в позиции начала слова, рефлексация которых объединяет восточные и западнославянские диалекты в их противопоставлении южнославянским; или явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда в интерконсонантных сочетаниях **tyrt*, **tylt*, наблюдающееся в диалектах северной Славии: **рус.** *p'er'voj*, *v'er'x*; **укр.** *ver'x*, *ser'p*; **блр.** *v'er'x*, *čac'v'er'x*; **плс.** *v'ešx*, *v'ežba*; **луж.** *w'er'ba*, *w'er'x*; **чеш.** *vil'k*; **слц.** *vil'k*; *vil'hotni* см. ОЛА т. 3 «Рефлексы **ьг*, **ьг*, **ь1*, **ь2*» (Warszawa 1994).

На существование такой общности осторожно указывает и С.Б. Бернштейн, который пишет: «Некоторая общность процессов в **tort*, **tert* между восточнославянскими языками и языками лехитской группы свидетельствует о наличии определенного сближения между этими диалектами в тот период истории праславянского языка, когда южнославянские диалекты продвинулись далеко на юг и когда установились тесные связи между ними и древними чешскими и словацкими диалектами» [Бернштейн 1961: 219].

Карты Атласа говорят о том, что большинство ареалов северной Славии имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли **языка-донора выступают чаще всего западнославянские диалекты**, преимущественно польские и словацкие (ср., например, распространение таких

лексем, как *stud-ъn-j-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stьkl-ѣn-ъk-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gъs-in-a* к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krav-ъc-ъ* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mѣst-ъc-e* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *qtr-ob-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например, распространение лексем *сѣl-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. распространение лексемы *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korm-y-sl-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Нетрудно заметить, что большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ъk-a*, *gъs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ъč-ik-ъ*, *za-bъd-e-tь* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *lěj-ъk-a*, *za-bъd-e-tь*, *doj-ar-ъk-a*, *krъš-ъk-y*; или зап.-сл. *podъ-večer-ъk-ъ*, *kroj-i-tь*, *kroj-e-tь*, *stud-ъn-j-a*), которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы. Эта группа ареалов, связанных с явлением интерференции, детерминируется факторами пространственно-генетическими и относится к эпохе самостоятельного развития славянских языков.

На картах Атласа существует еще одна серия праславянских слов, имеющих локальные ограничения в своем распространении. Это слова, характерные только для одной группы языков — восточных, западных или южных.

И здесь также прослеживается интересная закономерность. В Атласе практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем), ср., например, ареалы следующих лексем:

//*ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, только в украинских и частично белорусских ее ареал ограничивают лексемы //*ěd-j-a*, //*ěd-j-en-bj-e*, *sъ-trav-a*;

šeg-ъ к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, только в говорах Правобережной Украины, а также Полесья ее теснят лексемы *stǫp-ъn-ъ* и заимствованная из западнославянских языков лексема *krok-ъ*;

vor-ъ к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема составляет принадлежность восточнославянских диалектов, хотя в белорусских и украинских диалектах широко распространена и лексема *zъl-o-děj-ъ*;

krop-iv-a (**krapiva* < **kopriva* [ЭССЯ 11: 25]) к. 22 'крапива' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, только в некоторых украинских и русских говорах ее ареал ограничивают лексемы *žędl-iv-a* и *strěk-av-a*;

ob-ěd-a-j-e-tь (**obědati* < **obědъ* [ЭССЯ 27: 181; Шапошников 2: 36]) к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет тотальное распространение во всех восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских и в отдельных белорусских диалектах она находится в отношениях конкуренции с лексемой *pol-u-dъn-a-j-e-tь*;

sъ-kaž-e-tь (**sъkazati* < **kazati* [Шапошников 2: 324]) к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *po-věst-ъ*;

rъt-ъ (< **rъtъ* < и.-е. **ru-to* < **reu-* : *rou-* [Шапошников 2: 287]) к. 16 'рот' т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *pysk-ъ*, а также в северо-западных белорусских — заимствованная из польских диалектов лексема *gъb-a*; *vis-ъk-ъ*, *vis-ъk-y* (**visъkъ* < *visěti* [Шапошников 1: 120]) к. 4 'висок' т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивают лексемы *vъls-ъn-ic-a* и (*puls*)-ъ и др.

(*pasx*)-а к. 49 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи»: эта заимствованная из греческого языка лексема (*πάσχα* < др.-евр. *pēsah*) широко распространена во всех восточнославянских диалектах и только в говорах Правобережной Украины и в западных белорусских диалектах ее ареал ограничивают лексемы *vel-ik-o-dъn-j-a* и *vel-ik-ъ dъn-ъ*;

krъš-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославян-

ских диалектах и островной — в польских, где она распространена в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель;

korŋ-y-sl-o (*korŋ-y-sl-a*, *korŋ-y-sl-ъ*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема плотно покрывает территорию восточнославянских диалектах и имеет микроареалы в тех польских диалектах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

prošč-a-j-e-tъ se (< *prost-j-a-j-e-tъ se*) к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и микроареалы — в новых польских переселенческих говорах и т.д.

Многие из этих лексем имеют индоевропейские соответствия, словообразовательная структура их часто не мотивирована на почве праславянского, а ареалы являются, как правило, обширными, хотя и со следами разрушения. В связи с этим можно предположить, что они являются иллюстрацией диалектного многообразия уже праславянского языка.

Системный, а главное континуальный, характер ареалов этих лексем, говорит о том, что эти ареалы могли сформироваться еще до распада восточнославянского языкового единства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые из них зафиксированы в древнейших памятниках письменности, например, лексемы **сѣкажеть** и **пасѣха** в Остромировом евангелии XI в. [СРЯ XI–XVII 24: 165; 14: 168]; **рътъть** Надп. Соф. Новг. XI–XII в. [СРЯ XI–XVII 22: 220]. Однако нельзя исключить и возможности образования их ареалов в рамках собственной истории восточнославянских языков, так как в памятниках письменности эти лексемы фиксируются довольно поздно (например, др.-рус. **крапива** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 8: 14]; др.-рус. **овѣдати** — в XV–XVI вв. [СРЯ XI–XVII 12: 26]; др.-рус. **високъ** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 2: 190]; др.-рус. **прощатися** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 21: 13];

Ареальная картина, характерная для восточнославянских языков, коррелирует с данными исторической фонетики, свидетельствующими о том, что это единство своими корнями уходит в праславянскую эпоху (ср., например, судьбу сочетаний *tj, *dj или *kt, *gt перед j и гласными переднего ряда: во всех трех восточнославянских языках развились одинаковые рефлексы, связанные с появлением шипящих; или судьбу сочетаний *tort, *tert с их полногласием; начальное *o в словах типа *осень, олень, озеро*; деназализацию носовых с одинаковыми континуантами во всех трех восточнославянских языках, наконец, одинаковую рефлексацию редуцированных в сильной

позиции, и в частности, отсутствие их совпадения, характерного для словенских, сербских, хорватских, северномакедонских, польских и чешских диалектов, а также отдельных словацких и лужицких и др.). Все эти фонетические процессы своей однотипностью выделяют восточнославянские языки на всем пространстве Славии.

Карт, иллюстрирующих **гомогенный западнославянский ареал**, очень немного, ср., например, ареалы следующих лексем.:

sikor-ъk-a (< **sykora* < **sykati* [Brückner: 490; Boryś: 547]) к. 26 'сеница' т. 1 «Животный мир»: лексема широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a*;

soľv-ik-ъ (< **soľvъjъ* [Boryś: 559]) к. 28 'соловей' т. 1 «Животный мир»: лексема плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских говорах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *soľv-ič-ъk-ъ*;

pъt-ak-ъ (< **pъtъ* < и.-е. **rōu-/rəu-/rū-* [Boryś: 502]) к. 16 'птица' т. 1 «Животный мир»: лексема представлена во всех западнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточнославянских диалектах, где распространена возникшая на ее основе лексема *pъt-ač-ъk-ъ*, в лужицких, где зафиксирована лексема *pъt-aš-ъk-ъ*, в польских кашубских говорах, где отмечена лексема *pъt-ax-ъ*, а также в мазовецких, где под влиянием восточнославянских диалектов получила распространение лексема *pъt-aš-ъk-a*;

stud-ъn-j-a, *stud-ъn-ъj-a* (< **studъnja* Brückner: 523; Boryś: 585) к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема плотно покрывает территорию всех западнославянских диалектов и имеет небольшие островные ареалы в украинских юго-западных и полесских говорах на границе с польскими и словацкими диалектами, а также в белорусских юго-западных, среднебелорусских и северо-восточных говорах.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексемы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов.

На фонетическом уровне черт, являющихся иллюстрацией единства западнославянских языков, также немного. Практически это лишь судьба сочетаний **kv*, **gv* в позиции перед **ě*. Что касается других фонетических признаков, традиционно приводимых в качестве иллюстрации своеобразия западнославянских языков, а именно сочетаний **tl*, **dl*, **tort*, **tolt* или **ort*, **olt*, то они, скорее, свидетельствуют о диалектной дифференциации, поскольку в среднесловацких диалектах

в сочетании *tI, *dI, в отличие от других западнославянских языков, произошла утрата взрывного элемента, в польских и лужицких диалектах, в отличие от чешских и словацких, сочетания *tort, *tolt трансформировались в trot, tlot, тогда как в чешских и словацких — в trat, tlat, а сочетания *ort, *olt в среднесловацких диалектах дали rat, lat, тогда как в чешских, польских и лужицких диалектах — rot, lot. Наконец, самой яркой иллюстрацией диалектной дифференциации западнославянских языков является разный результат рефлексации носовых (в частности, сохранение их назальности в польских диалектах, что выделяет их на всем пространстве terra Slavica), а также прояснения редуцированных в сильной позиции, совпадение рефлексов которых наблюдается лишь в польских и чешских диалектах, тогда как в остальных — картина более сложная (см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексы *ę» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексы *ǫ» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексы *ыг, *ьг, *ыI, *ьI» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексы *ь, *ьь» (Zagreb, 2006), т. 4б «Рефлексы *ь, *ьь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003).

В южнославянских диалектах сходная ситуация, так как ареальный сценарий, демонстрирующий единство южнославянских языков, также встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a (< и.-е. *geu-sker [ЭССЯ 7: 179]) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»;

žit-o (< *žiti [Фасмер II: 57; ЕСУМ 2: 200]) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в южной Славии, однако в словенских диалектах ее ареал ограничивает лексема *žit-ъ*, в хорватских — лексемы *žit-ъk-ъ* и *зыгн-ъj-e*, в болгарских — заимствованная из турецкого языка лексема (*zajr*)-e; в восточнославянских диалектах в этом значении широко распространена лексема *xlěb-ъ*, в западнославянских и пограничных украинских и белорусских диалектах — лексема *съ-bož-ъj-e*, в чешских и словацких, кроме того, лексема *obil-ъj-e*, а в лужицких — заимствованная из немецкого языка лексема *trajd-a* (нем. Getreide);

zid-ar-ъ к. 6 'человек, который строит каменные дома' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах, только в македонских и болгарских ее ареал ограничивает заимствованная из греческого языка лексема (*mastor*)-ъ и из турецкого — лексема (*d'ulger*)-in-ъ.

Все эти лексемы широко представлены в южнославянских диалектах и не выходят за их пределы.

Из праславянской фонетики, иллюстрирующей своеобразие южнославянских языков, можно указать на судьбу сочетаний *ort, *olt,

которые дали иную рефлексацию (*ra-*, *la-*) по сравнению с западно- и восточнославянскими диалектами (*ro-*, *-lo-*). Что касается других фонетических признаков, то они, скорее, свидетельствуют о дифференциации южнославянских диалектов, ср., например, наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, которое выделяет словенские, сербские, хорватские диалекты; наличие билабиальной или лабиодентальной протезы перед инициальным **o* в словенских диалектах или палатальной *j*-протезы в хорватских кайкавских говорах; разную рефлексацию носовых, повлекшую за собой ареальную дифференциацию южнославянских диалектов (ср., например, рефлексацию праславянского **ε*, с характерным для нее варьированием подъема гласного, являющегося его континуантом, от высокого гласного *i* (хрв. кайк., слн.) до самого низкого гласного *a* (мак., серб., слн., хрв.), *a*: (слн., хрв.), *a* (блг., хрв. кайк.), *a*: (блг., хрв. кайк.), а также его дифтонгизацию (слн., хрв. кайк.). Наконец, об этом свидетельствует и разная рефлексация редуцированных в сильной позиции, так как в словенских, сербских, хорватских, северномакедонских диалектах (пп. 95, 98) наблюдается совпадение их рефлексов: в словенских, сербских штокавских, в хорватских чакавских диалектах рефлексы редуцированных в сильной позиции совпали: **ъ* и **ь* > *a*. В хорватских кайкавских диалектах рефлексация редуцированных в сильной позиции также совпала, но результат этого совпадения иной: **ъ* и **ь* > *e/ε*. Такая же ситуация представлена в торлакских и северномакедонских диалектах, в которых **ъ* и **ь* имеет одинаковый рефлекс **ъ* и **ь* > *ə*. Другие рефлексy имеют ареальные ограничения: в зетско-сеникских говорах, например, наряду с рефлексом *a* встречается и рефлекс *ə*; в словенских диалектах представлены ареально ограниченные рефлексy *ə*, *o*, *a*, *ɔ*, которые в дальнейшем могли подвергаться изменениям (например, > *e*, *ε*, *i* и т. д.); тогда как в большинстве македонских диалектов совпадения в рефлексации редуцированных не наблюдается, так как **ъ* > *o*, а **ь* > *e*, причем в некоторых македонских диалектах могли происходить вторичные изменения этих рефлексов, в результате которых **ъ* > *u* или *ə*; в некоторых центральномакедонских, западных и восточных говорах в отдельных лексемах наблюдается изменение **ъ* > *a*; в болгарских диалектах рефлексами сильного **ъ* являются *o*, *o*ː, *ə*, *a*, *a*ː, *a*ː, *ɔ*; рефлексами **ь* — *e*, *e*ː, *ə*, *a*, *a*ː, *ɔ* (подробнее см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексy **ε*» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексy **o*» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексy **ъ*, **ь*, **ы*, **ь*» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексy **ъ*, **ь*» (Zagreb, 2006), т. 4б «Рефлексy **ъ*, **ь*. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), а также «Болгарские материалы» Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая (София, 2015).

Параллели между лексическими и фонетическими изоглоссами прослеживаются и в рамках отдельных межславянских соответствий.

Так, в частности, карты Атласа говорят о том, что в западнославянских диалектах наблюдается повышенная **концентрация западно-южнославянских изоглосс в чешских, западно- и среднесловацких говорах**. Именно здесь чаще всего локализуются обширные ареалы корреспондирующих лексем. Это особенно хорошо видно при сопоставлении с польско-южнославянскими ареалами, которые являются, как правило, либо островными, либо точечными. Эти изоглоссы, объединяющие чешские и словацкие диалекты с южнославянскими (особенно словенскими и хорватскими), подтверждают существование переходной зоны между языками западной и южной групп (на существование которой указывали П. Ивич, С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова, Л. В. Куркина и др. слависты), ср., например, распространение лексем: (*jag-od-a* к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *gob-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *věver-ic-a* к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир»; *ръž-ь* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *meľz-iv-o* к. 32 'молоко коровы сразу после отела' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svet-ьk-ь* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-věst-a* к. 10 'невеста, женщина, имеющая жениха, будущая жена' т. 10 «Народные обычаи»; *tes-ar-ь* к. 4 'человек, который строит деревянный дом'; *kol-ar-ь* к. 9 'человек, который делает колеса для телег' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.

Чешско-словацко-южнославянская изоглоссная область прослеживается и на основе общности судьбы группы **tort*, **tert*, которые, благодаря метатезе и удлинению гласных развились в *trat*, *tret*, тогда как в восточнославянских языках они изменились в полногласные формы, а в языках лехитской группы произошла лишь метатеза и они превратились в *trot*, *tret*; чешские и словацкие диалекты сближает со словенскими, сербскими и хорватскими диалектами наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, отсутствующих в других славянских языках. Так, например, в этих диалектах рефлексом праславянского долгого **e*: являются долгие гласные [V:] и дифтонгические сочетания типа [i+V], [V+i], [VV], см. т. 6 «Рефлексы **e*» (Москва, 2011).

В самой южной Славии также вырисовывается неоднородная ареальная картина. Здесь отчетливо выделяются диалектные зоны, в которых наблюдается повышенная концентрация сепаратных изоглосс.

Это, прежде всего, **юго-западная словенско-хорватская** диалектная зона, в которой «лидирующими» часто являются словенские диалекты. Причем иногда эти ареалы могут противостоять всей остальной юж-

ной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализируются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем:

//*už-in-a* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в словенских и хорватских диалектах, имеет островные ареалы в сербских косовско-ресавских и зетско-сеникских говорах и микроареал — в западноболгарских;

vesel-bj-e к. *Nsg* 'радость' т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в хорватских кайкавских говорах;

ryb-itj-ь к. 58 'человек, который ловит рыбу' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах;

drob-ьt-in-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной ареал — в хорватских кайкавских говорах;

cvir-ьk-y, ob-cvir-ьk-y к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и в пограничных с ними хорватских говорах;

tat-ь к. 55 'человек, который крадёт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в прилегающих к ним хорватских кайкавских и чакавских говорах.

Центральная сербскохорватская диалектная зона, в которой в роли своеобразных «лидеров» могут выступать как сербские, так и хорватские диалекты. Так же, как и в предыдущем случае, они нередко противостоят всей остальной южной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализируются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем, которые широко представлены в сербских и хорватских диалектах (*dyrv-o-sěč-a* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rad-ь* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *nov-ьc-ь, nov-ьc-i* к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»); а также лексем, которые широко распространены в сербских диалектах и имеют островной, латеральный или микроареал в хорватских (*svet-ьc-ь* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *žed-j-ь* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mъlž-il-bj-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *čvar-ьc-i* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *běl-ьn-ьc-e* к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или об-

ратная ситуация, когда лексема широко распространена в хорватских диалектах и имеет ограниченные ареалы в других южнославянских диалектах (ср. *lēšč-ьн-ь=-ак-ъ* к. 49 'лесной орех' т. 3 «Растительный мир»; *rqč-ьк-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sqd-ьс-ь* к. 30 'человек, который судит в суде' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»).

Юго-восточная болгаро-македонская диалектная зона, в которой в роли своеобразных «лидеров» могут выступать то болгарские, то македонские диалекты, причем нередко они также могут противостоят всей южной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализуются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем — *got-ьв-и-тъ* к. 45 'варит, готовит' (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *got-ьв-аč-ьк-а* к. 22 'женщина, которая готовит еду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kraj-itj-ьн-ik-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», а также лексем, которые широко распространены в болгарских диалектах и имеет ареальные ограничения в македонских — *kobyl-ic-a* к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krad-ьс-ь* к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *za-kqs-ьк-а* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ši-v-ač-ь* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; или обратная ситуация, когда лексема широко распространена в македонских диалектах и имеет ограниченный ареал в болгарских — *kъnig-a* к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *тъlz-ač-ьк-а* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žblt-j-ьк-а* к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sir-om-aš-ьк-а* к. 65 'бедная женщина' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.

В рамках этой юго-восточной зоны выделяется **сербско-македонско-болгарская диалектная зона**, в которую входят сербские зетско-сеникские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры, а также болгарские (чаще всего западные) и северо-западные македонские диалекты, ср., например, распространение следующих лексем:

trox-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в болгарских диалектах, островные — в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, микроареал — в македонских (пп. 104, 112);

troš-ьк-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, в западных македонских и болгарских диалектах;

bolg-ъ к. 65 'вкусный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в болгарских диалектах и имеет микроареалы в сербских призренско-тимокских (п. 87) и в западных македонских (п. 90) говорах;

kold-ъn-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в восточных болгарских и в западных македонских диалектах; микроареал — в сербских призренско-тимокских говорах (пп. 85, 87);

kobyl-ъk-a к. 2 'коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в западных болгарских диалектах, в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских; микроареал — в северных македонских (п. 98) говорах;

kad-ъc-ar-ъ к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в восточно- и западномакедонских диалектах, а также в западной группе болгарских; микроареал — в сербских призренско-тимокских говорах (п. 87).

Эта неоднородная картина ареальной дифференциации южной Славии поддерживается и фактами исторической фонетики, в частности судьбой сочетаний *tj, *dj в болгарском и сербскохорватском языках, различием в рефлексации губных с j в болгарском и македонском языках, сохранением сочетаний *tl *dl в словенском, разной рефлексацией праславянского *ѣ, а также носовых в сербских, словенских и болгарских диалектах, наконец, судьбой редуцированных, прояснение которых в сильной позиции дало разные результаты в словенских, болгарских и македонских диалектах и т.д. (подробнее см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 1 «Рефлексы *ѣ» (Белград, 1988); т. 2а «Рефлексы *ѣ» (Москва, 1990); т. 2б «Рефлексы *ѣ» (Warszawa, 1990); т. 3 «Рефлексы *ъг, *ъг, *ъl, *ъl» (Warszawa, 1994); т. 4а «Рефлексы *ъ, *ъ» (Zagreb, 2006); т. 4б «Рефлексы *ъ, *ъ. Вторичные гласные» (Скопје, 2003). Все эти дифференциальные фонетические признаки своими корнями уходят в праславянский период.

Такая ареальная картина, представленная на картах «Общеславянского лингвистического атласа», позволяют по-новому взглянуть и на **проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков.**

Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков былое единство общезападнославянских и общеюжнославянских ареалов было разрушено временем, практическое отсутствие в них гомогенных ареалов лексем праславянского происхождения является серьезным аргументом против существования в прошлом их

историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в праславянский период подлинной языковой общности в виде праюжнославянского и празападнославянского языков.

На картах Атласа отчетливо видно, что лексемы праславянского происхождения и общеславянского распространения часто локализируются в одних и тех же ареалах. Это, прежде всего, чешские (особенно ляхские говоры, в частности п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеницкие, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями (подробнее см. [Вендина 2014: 397]).

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, однако представляется, что повторение этих ареалов не является случайным.

Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя.

Карты Атласа, таким образом, опровергают скептическое отношение компаративистов XIX в. к фактам лексики и словообразования, которые традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка. Поэтому если раньше при реконструкции и описании языковой системы праславянского языка, а также при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то с созданием «Общеславянского лингвистического атласа» они получают твердые основы и достаточно убедительную аргументацию. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из лексических изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Поэтому Атлас является безальтернативным источником исторических сведений о судьбе праславянского слова. Используя метафору польского ученого В. Дорошевского, можно сказать, что «слова в нем — это мосты, переброшенные над веками».

Литература

- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Вендина 2013 — *Вендина Т. И.* Типология архаичных ареалов Славии // XV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2013.
- Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.; СПб., 2014.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Куркина 1985 — *Куркина Л. В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания. 1985. № 4.
- СРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 1–. М., 1975–.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. 1., М., 1997.
- Шапошников — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*, М., 1974 –. Т. 1–.
- Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner A — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.